

Международные Лихачевские научные чтения, посвященные именем Дмитрия Сергеевича Лихачева и посвященные диалогу культур, стали поистине неправительственным форумом российской интеллигенции, где обсуждаются базисные идеи и ценности, лежащие в основе современной цивилизации. Изданный по материалам VIII Международных Лихачевских научных чтений сборник позволяет обратиться к высказанным участниками форума идеям, сделать критические замечания и обозначить собственные соображения по поводу тех или иных мыслей.

Академик В. С. Степин определяет культуру как своеобразный генетический код, задающий генезис и развитие социального организма. Эта метафора представляется весьма эвристичной и порождает ряд модельных аналогий с эволюционной биологией. В частности, в эволюционной теории А. Н. Северцева и И. И. Шмальгаузена эволюционной единицей считается не отдельный индивид или особь, а целостная совокупность животных данного вида. И хотя существует очень жесткая внутривидовая борьба, как, впрочем, и описанные П. А. Кропоткиным и А. А. Богдановым формы кооперации, борьба за существование вида как эволюционной единицы осуществляется в форме борьбы за выживание и сохранение генотипа, информационной матрицы, порождающей морфофизиологическую организацию и врожденные поведенческие реакции организма.

Биологически человечество принадлежит к одному виду *homo sapiens* (о чем свидетельствует возможность межнационального и межрасового потомства). В отличие от животного мира информационная матрица, формирующая сознание и картину мира человека, не задана генетически, а заложена в культуре, которой он принадлежит, в языке, литературе, искусстве, науке, религии и в исторической памяти того или иного народа. И этот культурный генетический код, определяющий менталитет этноса или нации, также имеет тенденцию к самосохранению и борьбе за существование.

¹ Член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор.

В. Ф. Петренко¹

ДИАЛОГ ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ КУЛЬТУР

Из века в век сменяются волны поколений, рождаются и умирают люди, внося свой вклад в национальную культуру, но во все времена Франция остается Францией с уникальным французским менталитетом, Россия — Россией, а Япония — Японией. И прав, на мой взгляд, был В. Л. Рабинович в своем ироничном выступлении по поводу уж слишком оптимистического ожидания от диалога культур, которые сольются в «любловном экстазе». «Юг должен остаться Югом, Север — Севером, монолог — монологом. И никаких диалогов! Тем более диалогов культур и цивилизаций», — эпатирует он оппонентов.

Действительно, в прогнозе, высказанном В. В. Поповым, о том, что «если нынешние тенденции сохранятся, то в Европе, где каждый год становится на один миллион мусульман больше, к 2025 году будут проживать уже около 40 миллионов человек, исповедующих ислам, через одно-два поколения европейцы-христиане станут в Европе меньшинством». Европа при таком сценарии развития просто потеряет свою культурную идентичность, ибо, как показали события 2007 года в пригородах Парижа, арабские эмигранты второго и третьего поколения вовсе не стремятся стать французами по менталитету и этническое напряжение не уменьшается, а нарастает. На мой взгляд, при такой перспективе развития следует не делать акцент на диалоге культур как равноправных партнеров, а договариваться о соблюдении правил конкуренции, ограничивая ее жесткие формы. Ибо конкуренцию культур никто не отменял, и закрывать на нее глаза — значит осуществлять страусиную политику.

Человек — существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности; не только социальное, желающее занять достойное место в обществе, где область его «Я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе, город, страну), но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов. Здесь, помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияния, наблюдается конкуренция в ментальном семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку

и интерпретацию исторических событий — словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира, того или иного индивидуального или коллективного субъекта.

Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «Я» и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное «Я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному, непреходящему, обретает смысл собственного существования. Наконец, религиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смыслов существования как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире.

Дискуссионным представляется мне и тезис о равенстве культур в мире. Как пишет академик А. А. Гусейнов: «Попытки игнорировать эти различия, как если бы культуры реально, по своему фактическому состоянию были равновелики, оборачиваются снижением критериев, по сути дела имеют антикультурный смысл». Но далее он, в угоду политкорректности, снижает потенциал собственного утверждения: «Первые вполне могли бы быть на месте вторых, точно так же, как вторые — на месте первых. Следовательно, те культуры, которые по факту являются более отсталыми, заключают в себе потенциал, позволяющий подтянуться до уровня передовых. Имея перед глазами пример последних и, в особенности, получая при этом поддержку и помощь, они, возможно, могут сделать это быстрее и лучше». С последним утверждением позволю себе не согласиться. Так как, на мой взгляд, Абдусалам Абдукеримович подменил проблему уровня развития культуры экономическим развитием.

Можно перенять технологические инновации и даже опередить страну, чьи изобретатели породили эту технологию. Но невозможно, например, китайской культуре опередить Европу в развитии классической западной музыки, как, впрочем, и европейцам превзойти китайцев в музыкальном строе пентатоники. К тому же, даже переняв ту или иную технологию у страны-донора, не просто наладить «выпуск людей», способных создавать инновации, порожденные в иной культуре. Пользуясь метафорой Х. Л. Борхеса, можно сказать, культуры — это сад расходящихся тропок и каждая культура идет своим путем. Есть, конечно, и определенные инварианты различных культур, отсюда «единство в разнообразии», есть культурный обмен и взаимопроникновение культур. Но именно уникальность и неповторимость культуры и создает ее ценность, обеспечивая вариативность, если вспомнить биологическую метафору В. С. Степина, «культурного генофонда» человечества.

Тем не менее проблема оценки уровня развития культуры сохраняется. Иначе мы просто не имеем критериев развития и возможности оценить состояние прогресса или регресса, в котором она находится. И здесь как одна из форм оценки уровня культуры мне представляется перспективной теория техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна, согласно которой экзамен на выживание проходят те культуры и цивилизации, которые ограничивают все нарастающую мощь боевых и производительных технологий развитием культурных средств регуляции и сдерживания. Развитие осевых цивилизаций (термин К. Ясперса) и появление мировых религий было вызвано именно такой необходимостью. Ветхозаветный принцип «не убий», появившийся в период, когда на смену бронзовому оружию пришло относительно дешевое оружие из железа, позволившее тем самым создать многотысячные армии, не отменил человекоубийство, но через моральное порицание (присутствующее в сознании где-то на периферии) ограничил геноцид по отношению к побежденным.

В рамках теории техно-гуманитарного баланса вся человеческая история рассматривается как серия техногенных кризисов и катастроф, крах одних цивилизаций или выживание других при нахождении гуманитарного противоядия собственного могущества. Теория техно-гуманитарного баланса нуждается как в выделении набора базовых ценностей, лежащих в основе каждой культуры, так и в оценке возможных последствий развития тех или иных технологий и их риска для выживания человечества. И здесь опять обратимся к метафоре культуры как генетического кода социума, данной В. С. Степиным. В развитии этой модельной аналогии А. В. Смирнов на роль элементов культурного генома ставит базовую систему категорий сознания, выделенную на историческом материале А. Я. Гуревичем. Гуревич убедительно показал, как категории сознания, такие как причинность, пространство, время, ценность и тому подобные, являются культурно-исторически изменчивыми и различаются в разных культурах, опосредуя многообразие картин мира.

В нашем собственном исследовании проводилось кросс-конфессиональное сопоставление религиозных ценностей. На основе фрагментов сакральных канонических текстов, содержащих ценностные суждения (из Ветхого и Нового Завета, Корана, иудаистского Исхода, Бхагават-гиты, «Алмазной сутры» и т. п.), и оценок их представителями религиозных культов (православные и католические священники, буддийские ламы, исламские имамы, иудаистские раввины) строились многомерные семантические пространства, позволяющие выделить базисные категории, объединяющие и противопоставляющие различные конфессии, каждая из которых получила свои координаты в многомерном пространстве религиозного сознания. Исследование показало наличие определенных инвариантов в системе ценностей различных религий, которые могут выступать основой межконфессионального диалога.